

А. Ю. Желтов (СПбГУ/МАЭ РАН),
Е. В. Желтова (СПбГУ)

ПОЧЕМУ ЯЗЫК «ЭКОНОМИТ» НА ПАДЕЖНЫХ ФЛЕКСИЯХ, ИЛИ К ВОПРОСУ О ПОРЯДКЕ ПАДЕЖЕЙ В ЛАТЫНИ

В статье рассматриваются проблемы описания падежной системы латинского языка в контексте падежного синкретизма и мотивированности определенного парадигматического порядка латинских падежей. В первом разделе обсуждаются проблемы и недостатки, выявленные в современных описаниях латинской падежной системы. Во втором разделе представлена история исследований, касающихся падежного синкретизма и его влияния на падежную парадигму, анализируются парадигматические оппозиции падежных флексий в русском и праиндоевропейском языках и формулируются методы дальнейшего анализа. В третьем разделе, посвященном пяти основным латинским падежам, анализируются все случаи падежного синкретизма, который трактуется как системный феномен морфемной нейтрализации, а не как формальная редукция, а также обосновывается парадигматическая структура латинских падежей, в которой формы с общими окончаниями обязательно занимают смежные позиции. Таким образом, авторы демонстрируют роль морфемного синкретизма и устанавливают формально мотивированный парадигматический порядок падежей. В четвертом разделе анализируется положение латинских «маргинальных» падежей (вокатива и локатива) в представленной парадигме. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о решающей роли синкретизма в формировании падежной парадигмы в латыни.

Ключевые слова: латинский язык, система падежей, падежный синкретизм, морфемная нейтрализация, парадигматические оппозиции.

A. Yu. Zheltov (St. Petersburg State University / MAE RAS (Kunstkamera))
E. V. Zheltova (St. Petersburg State University)

Why the language saves on the case forms, or about the order of cases in Latin

The article deals with the analysis of the Latin case system and is focusing on the case syncretism and motivated paradigmatic order of the Latin cases. In the first section, the issues and shortcomings detected in the current descriptions of the Latin case system are discussed. In the second section, the history of studies concerning the case syncretism and paradigmatic order is presented. Paradigmatic oppositions of the case forms in Russian (R.O. Jakobson) and Proto-Indoeuropean (I.M. Tronskiy) are analyzed and the methods of further analysis are formulated. In the third

section which deals with the five main Latin cases (Nominative, Accusative, Genitive, Dative, and Ablative) we single out the full inventory of Latin case syncretism which is treated as a systemic phenomenon of morphemic neutralization (in terms of K.I. Pozdniakov) rather than the formal reduction. We present a paradigmatic structure of the Latin case system in which the forms with the common endings necessarily take the adjacent positions. It is exclusively these forms, that make paradigmatic oppositions in Latin. Thus, we demonstrate the role of morphemic syncretism in the Latin case system and establish a formally motivated paradigmatic order of cases. On these grounds, we formulate the set of semantic paradigmatic features that shape the case paradigm. In the fourth section, we analyze the position of the Latin “marginal” cases (Vocative and Locative). The method which is used in this work (i. e., analyzing case syncretism as a systemic phenomenon) allows us to find the non-contradictory paradigmatic position for Vocative and Locative as well. In the last section, we summarize our findings and come to the conclusion about the crucial role of the case syncretism in shaping the Latin case paradigmatic structure.

Key words: Latin language, cases, syncretism, morphemic neutralizations, paradigmatic oppositions.

1. Постановка проблемы

В истории описания латинской падежной системы можно выделить лишь три варианта порядка падежей в парадигме, причем расхождения между ними весьма незначительны. Основная традиция, восходящая к древнегреческим грамматикам¹ и заимствованная впоследствии римскими (с добавлением отсутствующего в греческом аблатива), расставляет падежи в следующем порядке: номинатив, генитив, датив, аккузатив, вокатив, аблатив. Более поздний вариант этой традиции (см. в частности Wheelock's Latin: 11) переносит вокатив в конец списка. Существует еще один вариант порядка падежей, предложенный в Kennedy 1972: 5 с целью облегчения запоминания: номинатив, вокатив, аккузатив, генитив, датив, аблатив.

Если исходить из этимологии слова «парадигма» как «образец» и руководствоваться только дидактическими задача-

¹ Дионисий Фракийский выделял в греческом языке следующие падежи: «Падежей имени пять: прямой, родительный, дательный, винительный, звательный. Прямой падеж называется также именительным, родительный — притяжательным и отеческим, дательный — поручительным, винительный — (испорчено), звательный — обращательным» (Dion. Thrax, 10, цит. по: Античные теории языка и стиля. СПб., «Алетейя», 1996. С. 131).

ми заучивания падежных «образцов»², то вопрос об их порядке представляется несущественным. Видимо, именно этим и объясняется столь небольшая вариативность расстановки падежей в парадигме, несмотря на столь длительную традицию их описания. Но если подходить к термину «парадигма» с позиций лингвистического анализа его сути, восходящего к сосюрровскому противопоставлению синтагматических (речевых) и «ассоциативных», т. е. системно-языковых отношений, к которым и относится организация языковых элементов в парадигму, то естественным образом возникает ряд вопросов:

1) почему мы ограничиваемся перечислением системных отношений между элементами языковой подсистемы «в столбик» или «в строчку»?

2) по каким правилам должно выстраиваться описание того, как выглядит языковая подсистема — парадигма?

3) что и как связывает и отличает ее элементы?

4) какие из них и почему ближе к друг другу, чем другие, в рамках «ассоциативных» (парадигматических) отношений?

Другая проблема, которая также оказалась обделенной вниманием описательной традиции, затрагивает причины синкретизма (или в другой терминологии — омонимии) большого количества латинских падежных флексий. Очевидно, что фонология любого языка использует для создания знаков далеко не весь арсенал возможных комбинаций. Потенциал любой фонологической системы позволяет создать различаемые формы для всего спектра значений, релевантных для конкретного языка. Почему же этот потенциал не используется даже для весьма ограниченных по числу элементов одной парадигмы, в рамках которой существует множество синкретичных (или омонимичных) форм, что, очевидно, работает против критерия смысло-различения, на который как раз и должен работать языковой знак? Объяснение этого явления «принципом языковой экономии» не снимает проблему: остается вопрос, почему язык экономит в одних случаях, а в других (например, при синонимии) демонстрирует очевидную избыточность. Объяснение синкретизма обычным процессом фонетической редукции, конечно, работает во многих случаях, но не отвечает на вопрос,

² Впрочем, даже в рамках дидактических задач возникает вопрос, почему какой-то из порядков падежных форм считается более простым для запоминания.

почему какие-то формы редуцируются (или редуцируются раньше других), а другие нет.

2. История вопроса

Обозначенные выше вопросы не находят ответа не только в рамках латинской падежной системы. Причина, очевидно, кроется в том, что языковая система (*la langue*), в отличие от речи (*la parole*), не дана нам в непосредственном наблюдении, и наука до сих пор не обладает развернутыми общепризнанными приемами перехода от описания синтагматических отношений, наблюдаемых нами в естественном речевом потоке, к описанию системных парадигматических отношений, несмотря на то, что функции латинских падежей в различных синтагматических контекстах описаны вполне исчерпывающе (см., например, Woodcock 1959; Hofmann, Szantyr 1972). Поэтому стремление описать падежи как инварианты этих функций, т. е. описывать их системные парадигматические отношения друг с другом, часто выглядит как не очень убедительная попытка придумать некие общие выражения-дефиниции, объединяющие все эти контекстуальные синтагматические значения. Именно так поступает У. Ройял, который в «Трактате о падежах» анализирует семантику латинских падежей, исходя из философской презумпции, что все в природе, будь то чувственно воспринимаемое или мыслимое, имеет отправную точку, направление (цель) движения, а также протяженность и результат (Royal 1860: 5). В соответствии с этой концепцией, он делает каждый падеж носителем одной из этих макрофункций. Так, генитив, как причинный элемент (*causal element*) указывает на исходную отправную точку (*prime starting-point*), аблатив (*sub-causal element*) — на промежуточную (*intermediate starting-point*), датив выражает направление и цель (*object-point*), а аккузатив, как предельный падеж (*limit*), — протяженность и результат (*extent and result*). Поиски инвариантных значений падежей являются едва ли не главным направлением современных исследований латинской падежной системы. Укажем лишь некоторые из них: Serbat 1981a, b; Carvalho 1983; Blake 2001: 34–45.

Задача интегрального парадигматического описания именно падежной системы представляется особенно сложной, так как «падеж — категория, связанная практически со всеми уровнями языка: с морфологией, поскольку падеж — морфологическая

категория, выражающаяся при помощи морфем; с синтаксисом, поскольку падежи, среди прочего, указывают на грамматический статус членов предложения; с семантикой, поскольку падежи выражают смысловые отношения разных слов в предложении» (Аркадьев 2009: 59). Пожалуй, больше всего повезло с ответами на поставленные выше «парадигматические» вопросы русскому языку, в отношении которого П. М. Аркадьев пишет следующее: «Порядок, в котором приводятся падежи в таблицах склонения, казалось бы, является всего лишь условностью. Тем не менее, вопрос о порядке падежей не вовсе бессмысленный: склонение представляет собою систему, и её организацию можно попытаться отразить взаиморасположением падежей в таблице. Какой порядок более наглядно отражает внутреннее устройство падежной системы русского языка: традиционный (И–Р–Д–В–Т–П) или приведённый в таблице ... (И–В–Р–Ч–Д–П–М–Т)?» (Аркадьев 2009: 62–63). Традиционную шестипадежную парадигму автор дополняет «частичным» и «местным» падежами, которые соответствуют второму родительному и второму предложному, в терминологии Якобсона (Якобсон 1985a,b):

	Падеж	1 скл. (жен. род)	2 скл. (муж. род)	2 скл. (ср. род)	3 скл. (жен. род)
Ед. ч.	именительный	рука	нос	вино	пыль
	винительный	руку	нос	вино	пыль
	родительный	руки	носа	вина	пыли
	частичный	руки	(из) носу	вина	пыли
	дательный	руке	носу	вину	пыли
	предложный	(о) руке	(о) носе	(о) вине	(о) пыли
	местный	(в) руке	(на) носу	(в) вине	(в) пыли
	творительный	рукой	носом	вином	пылью

Первый порядок объясняется идущей от греческих грамматиков через латынь традицией, а второй — внутренними формальными характеристиками русского языка, т. е. внешним сходством падежных форм. Опираясь на анализ широко распространённой омонимии русских падежных форм, автор заключает, что «традиционный порядок помещает совпада-

ющие падежные формы далеко друг от друга: именительный и винительный разделены родительным и дательным, дательный и предложный — винительным и творительным и т. п. Напротив, порядок, представленный в таблице..., составлен так, чтобы падежи, формы которых могут совпадать, находились рядом. Такой порядок, имеющий с традиционным мало общего, наглядно отражает морфологические сходства и различия падежей и часто используется в научных работах по русскому языку» (Аркадьев 2009: 64). Отсутствие в представленной таблице примеров синкретизма между родительным и винительным, а также местным и творительным падежами объясняется, видимо, стремлением к компактности этой небольшой, но очень информативной, статьи. На самом деле, у одушевленных имен женского рода первого и третьего склонения множественного числа легко обнаружить синкретизм винительного и родительного: *Я вижу женщин* (вин. п.)/ *Дети женщин* (род. п.); *Я вижу мышей* (вин. п.)/ *Норки мышей* (род. п.). Можно подтвердить и соседство творительного с местным в адъективной парадигме 1 склонения женского рода, например: *в правой руке* (местный)/ *правой рукой* (творительный). Таким образом, при расширении инвентаря представленных парадигм склонения все «соседства» окажутся мотивированными.

Вариант не линейной, а трехмерной модели парадигмы русских падежей мы находим в работах Р. О. Jakobsona «Морфологические наблюдения над русским склонением» и «К общему учению о падеже» (Jakobson 1985 a, b). Jakobson попытался не только выстроить формально мотивированную парадигму падежей, но и предложил семантическое обоснование места каждого падежа в этой схеме. В своем подходе он учитывал не только полностью омонимичные (синкретичные) формы, но и частичные совпадения падежных флексий, которые он называл «приметами». К. И. Поздняков (Поздняков 2003) называет процесс нейтрализации семантических различий дательного, творительного и предложного падежей под общим признаком «периферийности» и при формальной маркировке данной нейтрализации лабиальным носовым сонантом [m] «субморфной нейтрализацией», противопоставленной «морфемной нейтрализации», то есть морфемному синкретизму, или омонимии³.

³ Подробнее о субморфах и субморфной нейтрализации см.: Поздняков 2003, 2009. О роли субморфной нейтрализации в выражении семантики персональности в латыни см.: Желтова, Желтов 2018. При

Анализируя существующие варианты описания падежной парадигматики, нельзя не упомянуть работу И. М. Тронского (2001: 467), в которой он предлагает парадигматическую модель падежной системы праиндоевропейского языка, имеющую определенное сходство с моделью Якобсона для русского языка (Якобсон 1985b: 194), см. ниже схемы 1, 2. Подробный анализ предложенных моделей выходит за рамки данной статьи, однако ограничимся краткими замечаниями.

В обеих моделях падежной парадигматики важным представляется выход за рамки естественной линейности синтагмы или текста, так как многомерная модель может более адекватно отобразить оппозиции между языковыми знаками, чем простое перечисление падежей «в столбик». В модели Якобсона важна последовательная внутриязыковая аргументация выделенных оппозиций через морфемные или субморфные нейтрализации соседних элементов. Праязыковая модель Тронского также имеет отсылки к подобной аргументации и объясняет возможные пути редукции падежной системы в индоевропейских языках соседством редуцируемых падежей в модели оппозиций. Семантические инварианты для «соседних» падежей, предлагаемые Якобсоном и Тронским, различаются (у Якобсона — «направленность, объемность, периферийность»; у Тронского — «экзоцентричность, объектность, соучастие»). Представляется, что подобные расхождения при очень похожих моделях являются следствием слабой разработанности терминологического аппарата парадигматического описания инвариантов (по крайней мере, по сравнению с разработанным функционально-синтагматическим лингвистическим инструментарием)⁴.

анализе синкретизма падежных флексий в данной статье мы ограничиваемся только полным морфемным синкретизмом, то есть морфемной нейтрализацией. В то время как для латинских местоимений именно субморфные нейтрализации оказываются крайне важными (например, для выражения категории локуторов), падежная система использует более «жесткий» вариант полных морфемных нейтрализаций.

⁴ Семантические инварианты падежных значений, приводимые Якобсоном, не всеми признаются удачными. См., например, оценку падежных идей Якобсона в (Перцов 2001: 26): «Конкретные описания русских падежных значений, предложенные ... автором, следует признать неудачей, однако общая установка представляется правомерной и перспективной, и можно сожалеть, что попытки развития общей теоретической идеи Якобсона были не столь многочисленны, как она того заслуживает». Похожее отношение к идее Якобсона выражают

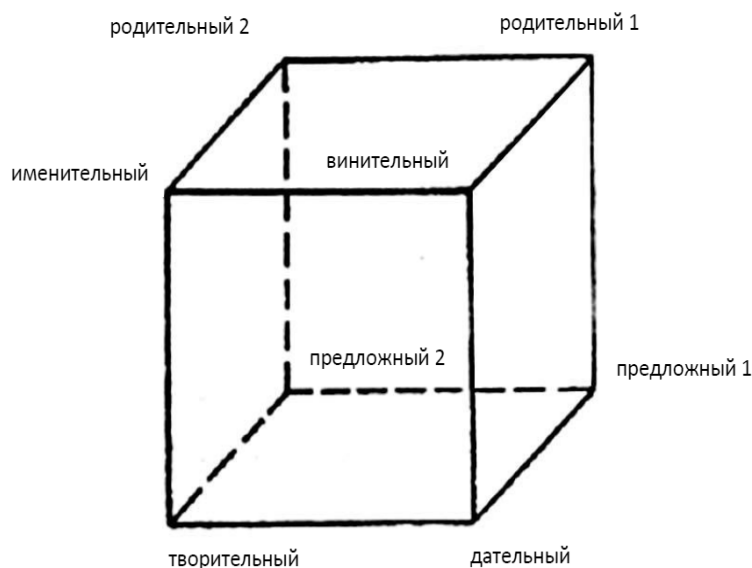

Схема 1. Модель Якобсона для русских падежей (Якобсон 1985: 194)

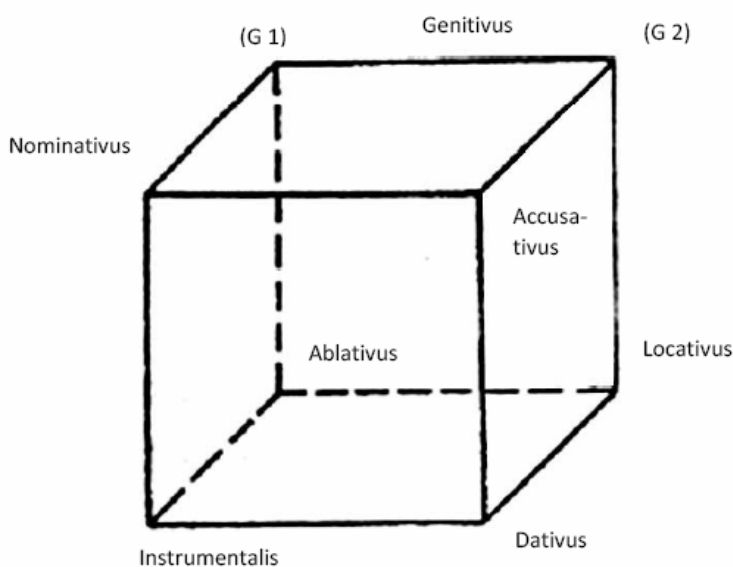

Схема 2. Модель Тронского для праиндоевропейских падежей (Тронский 2001: 467)

Вяч. Вс. Иванов («К сожалению... эта линия работ Якобсона осталась почти не продолженной, если не считать отдельных энтузиастических замечаний наших лингвистов среднего поколения», см.: Иванов 1985: 22) и К. И. Поздняков («За время, прошедшее после публикации этого наблюдения, среднее поколение лингвистов стало старшим, но ни одного системного исследования в этой области так и не появилось», см.: Поздняков 2003: 25). Следует отметить, впрочем, что к таким «системным исследованиям», без сомнения, относятся работы самого Позднякова.

Отдавая должное пионерской инновационности моделей Якобсона и Тронского, мы, однако, хотели бы отметить, что модель восьмивершинного куба едва ли может быть признана универсальной. Эта схема была разработана Якобсоном на материале русской восьмипадежной системы (с учетом второго родительного и второго предложного падежей). Однако при попытке разместить на такой же «геометрической» проекции праиндоевропейскую (также восьмичленную) падежную систему, Тронский (2001: 468) был вынужден не только исключить вокатив, действительно обладающий особым статусом⁵, но и поместить генитив сразу в двух точках (имея в виду *Genetivus subiectivus* и *Genetivus obiectivus*), что, при наличии только одной формы, вызывает вопросы. Заметим также, что к другим падежным системам (включая латынь) подобная модель не применялась — любое отклонение от «восьмичленности» падежной системы (отклонение от «куба») либо разрушало бы системность, либо требовало бы все большей спекулятивности в ее обосновании. Пионерский отход от линейности состоит не в принципиальной «трехмерности» или «кубичности» парадигматики, а в последовательном внимании к оппозиционному характеру парадигматических отношений, а также в поиске внутриязыковой аргументации «соседства» падежей в парадигме. Следует отметить, что идеи Якобсона, высказанные в середине прошлого столетия, до сих пор активно обсуждаются в работах, посвященных падежному синкретизму (Ваerman 2008). Выделяются два подхода в интерпретации этого явления: морфологический и морфосинтаксический. Морфологический подход признает семантическую и функциональную автономность синкретичных форм, что исключает возможность кросс-лингвистических и вообще каких бы то ни было обобщений. Морфосинтаксический подход, который как раз и был заложен Якобсоном, напротив, отталкивается от идеи, что синкретизм падежей мотивирован их общим значением и функцией, и следовательно, дает возможность предсказать, какие падежи могут слиться друг с другом, а какие — нет, и проследить это на разном языковом материале (Ваerman 2008: 221–222).

Мы попытаемся показать, что для латинских падежей релевантным является подход, базирующийся на идеях Р. О. Якоб-

⁵ См. ниже наши рассуждения о месте вокатива в латинской падежной системе.

сона⁶ и К. И. Позднякова (Pozdniakov 2003; 2009). Поздняков предлагает рассматривать процесс нейтрализации (в другой терминологии — внутрипарадигматической омонимии, или морфемного синкретизма) не в качестве деструктивного явления (редукции) или окказионального проявления «принципа языковой экономии», а как важный, хотя и не единственный способ маркировать наличие оппозиционных (парадигматических) отношений между знаками. Исходя из этого, контекстуальная нейтрализация оппозиции между двумя элементами может рассматриваться как маркирование принадлежности этих элементов к одному измерению, одной сфере, что делает возможным в каком-то другом контексте (парадигматическом или синтагматическом) выразить различие между ними.

3. Синкретизм как результат морфемных нейтрализаций в латинской падежной системе

Синкретизм латинских падежных флексий хорошо известен, но системного представления парадигматических оппозиций латинских падежей с полным учетом их синкретизма нам найти не удалось. Однако в типологически ориентированной статье о процессе редукции падежных систем содержится очень важная для наших дальнейших построений трактовка синкретизма латинских падежей аблатива, инструменталиса и вокатива (Barðdal, Kulikov 2008). Авторы справедливо утверждают, что фонетические процессы не были единственной движущей силой в формировании синкретизма этих трех падежей, которые, несмотря на последующее слияние, оставили свой след в некоторых латинских склонениях. Следовательно, синкретизм явился результатом взаимодействия нескольких механизмов, в

⁶ Еще раз отметим, что речь идет не о принципиальности размещения падежей на «кубе», а о поиске внутри самого языка аргументов для выделения парадигматических оппозиций. Примечательно, что Шуневельд назвал Якобсона «носителем латинского языка» (поскольку своей падежной системой русский схож с латынью и греческим), который утверждал, что в его родном языке существует инвариантное значение для каждого падежа и что эти семантические характеристики каждого падежа не только имеют общие элементы, но и образуют парадигматическую структуру: «And suddenly...appears this native speaker of Latin (because as far as case is concerned, Latin and Greek are similar to Russian) who states that to him, there is in his native language an invariant meaning for each case. Not only do these semantic characteristics of each individual case have elements in common but they constitute also a paradigmatic structure (Schooneveld 1986: 374).

особенности, того, что эти три падежа, должно быть, рассматривались как достаточно близкие друг другу семантически и функционально, а это, в свою очередь, позволило форме одного из них взять верх над остальными: «This example from Latin is useful as it shows that phonetic processes ... do not represent the only driving force of case syncretism. All three source cases have left their traces in both the singular and plural paradigms at least in some of the attested Latin declensions, so phonetic processes alone could not yet result in the simple syncretism of these three cases. Hence, the final outcome is a result of a complex interplay of several mechanisms; in particular, the three source cases must be considered semantically (functionally) close enough to each other, which in turn has licensed the form of one of them to take over the functions of the other(s)» (Varðdal, Kulikov 2008: 474).

Чтобы представить системную парадигму латинских падежей, мы проанализировали все парадигмы латинского склонения, кроме личных местоимений⁷ (именные, адъективные, прономинальные, а также склоняемых числительных) и составили полный инвентарь морфемных нейтрализаций (или падежного синкретизма) в латыни. В данном разделе будут рассмотрены пять основных падежей: номинатив, аккузатив, генитив, датив и аблатив. «Маргинальным» падежам — вокативу и локативу — будет посвящен следующий раздел.

На основании синкретизма падежных форм можно выделить следующие нейтрализации⁸:

Номинатив — аккузатив: 1) у всех слов среднего рода в ед. и множ. числе: е. г., *bellum, corpus, cornu* (N., Acc. Sg.), *bella, corpora, cornua* (N., Acc. Pl.); 2) у слов всех родов во множ. числе в 3, 4, 5 склонениях: *leges, fluctus, res* (N., Acc. Pl.).

Датив — аблатив: 1) во множ. числе любых склоняемых частей речи всех склонений: е. г., *legibus duris* (D., Abl. Pl.), 2) в

⁷ Мы оставили за рамками рассмотрения этой статьи только парадигму личных местоимений-локуторов. Поскольку латинский язык является языком с про-дропом, у этих местоимений принципиально меняется статус номинатива, который существенно отличается и от других прономинальных падежей, и от функции номинатива во всех других парадигмах. Описанию перестройки прономинальной падежной системы предполагается посвятить отдельное исследование.

⁸ Речь принципиально идет только о нейтрализациях внутри одной парадигмы, совпадение форм из разных парадигм (например, ед. числа генитива и множ. числа номинатива в 1 склонении) здесь не рассматривается и трактуется как омонимия, а не синкретизм (морфемная нейтрализация), т.е. как случайный, а не системный фактор.

ед. числе — у всех слов 2 скл.: е. г., *animo* (D., Abl. Sg.), у слов гласного типа 3 скл.: е. г., *animali* (D., Abl. Sg.), а также у существительных ср. рода 4 склонения: е. г., *cornu* (D., Abl. Sg.).

Номинатив — генитив: у существительных и прилагательных 3 склонения, оканчивающихся в Nom. Sg. на *-is*: е. г., *hostis fortis* (N., G. Sg.).

Генитив — датив: у всех слов 1 скл.: е. г., *filiae amatae* (G., D. Sg.) и у существительных 5 скл.: е. г., *diei* (G., D. Sg.).

Датив — аккузатив: у существительных ср. рода 4 скл. в ед. числе: е. г., *cornu* (D., Acc. Sg.).

Таким образом номинатив образует синкретические формы (морфемные нейтрализации) с аккузативом и генитивом, аккузатив — с номинативом и дативом, генитив — с номинативом и дативом, датив — с аккузативом, генитивом и аблативом, аблатив — с дативом. Ни в одной из парадигм других нейтрализаций нет.

Предположим, что именно синкретизм является признаком наличия оппозиционных отношений (по аналогии с известным принципом, иногда постулируемым для фонологии, где структура парадигматических оппозиционных отношений разработана существенно лучше, чем в морфологии): «нет оппозиции без нейтрализации». При таком подходе существует только один вариант структурного распределения падежных оппозиций (см. схему 3). Причем подобная парадигматическая структура базируется исключительно на формальных данных языка — наличии синкретических форм, а не на логическом вычленении общей семантики. Синкретизм «несоседних» элементов, например, аккузатива и аблатива возможен только при обязательном наличии синкретизма между ними и «промежуточным» дативом; без синкретизма датив/аблатив, синкретизм аккузатив/аблатив ни в одной из парадигм не возможен.

Схема 3. Парадигматические оппозиции латинских падежей

Предположительно, если нейтрализация (синкретизм) падежей в латыни не случайная «игра редукации», а системный процесс, мы должны увидеть некоторые корреляции между семантикой и схожими синтаксическими функциями, с одной стороны, и нейтрализациями (синкретизмом) — с другой. Далее мы попытаемся, исходя из данных типологии, истории языка, семантики падежей и их контекстуальных синтагматических функций, показать корреляции между «парадигматическим соседством» латинских падежей и общностью их функционирования и семантики.

В лингвистической литературе часто отмечается общность номинатива и аккузатива, как «основных» (или прямых) по сравнению с остальными — косвенными — падежами. Так, аккузатив может брать на себя основную синтаксическую функцию номинатива — выражать субъект действия или состояния — в конструкции *Accusativus cum Infinitivo*, пример (1) и в функции *Accusativus exclamationis*, пример (2):

- (1) *Cassius semet eo brevi venturum pollicetur* (Sall. *Cat.* 44, 2)
‘Кассий обещает, что он скоро прибудет’.
- (2) *Ad illum modum sublitum os esse mi hodie!* (Plaut. *Capt.* 783)⁹
‘Неужели я вот так был сегодня одурачен?!’

или в конструкциях с безличными глаголами, выражающими раскаяние (*poenitet*), досаду (*piget*), стыд (*pudet*), отвращение (*taedet*), пример (3):

- (3) *Quam me pudet nequitiae tuae, cuius te ipsum non pudet* (Cic. *Phil.* 2, 30, 76) ‘Как стыдно мне за твое небрежение, за которое самому тебе не стыдно.’

Существует определенная функциональная связь между дативом и аблативом¹⁰: оба падежа могут выражать действующее лицо при предикате в пассивном залоге, причем *Ablativus auctoris* с предлогом *a/ab* может употребляться в любой пассивной конструкции, кроме *Coniugatio periphrastica passiva*, (4), а *Dativus auctoris* — всегда при *Coniugatio periphrastica passiva* (5) и — редко — при пассивном залоге в системе перфекта (6):

- (4) *Idem hoc fit a principibus Hispaniae* (Caes. *BGall.* 1, 74, 5)
‘То же самое делается первыми людьми Испании’.

⁹ Такие случаи могут трактоваться как восклицательный *Accusativus cum Infinitivo* (Pinkster 2015: 366).

¹⁰ Зилер указывает на синкретизм аблатива и датива в ед. числе, произошедший уже в италийских языках (Sihler 1995: 251).

- (5) *Faciendum id nobis, quod parentes imperant* (Plaut. Stich. 54)
 ‘Нами должно быть выполнено то, что родители приказывают’.
- (6) *Mihi captum consilium iam diu est* (Cic. Fam. 5, 19, 2)
 ‘Мною уже давно принято решение’.

Связь номинатива и генитива не столь очевидна на первый взгляд, однако функционально-семантическое сходство обнаруживается и между ними¹¹. Так, *Genetivus subiectivus*, в сущности, является номинализацией предиката, субъект которого меняет маркировку с номинатива на генитив, ср. (7):

- (7) *hostes metuunt* ‘враги боятся’ > *metus hostium* ‘страх врагов’.

Кроме того, генитив выступает в функции субъекта при безличных глаголах *interest* и *refert* ‘важно’, (8):

- (8) *Rei publicae interest mulieres dotes salvas habere, propter quas nubere possunt* (Iust. Dig. 23, 3, 2,1)
 ‘Для государства важно, чтобы сохранным было у женщин приданное, с которым они могут вступить в брак’.

Субъектная семантика отчетливо проявляется и у *Genetivus characteristicus*. Так, в (9) субъектом состояния является «человек» (*hominis*):

- (9) *Cuiusvis hominis est errare* (Cic. Off. 1, 122)
 ‘Любому человеку свойственно ошибаться’.

Связь между генитивом и дативом проявляется в способности обеих падежей выражать идею принадлежности, обладания. При этом *Genetivus possessivus* может зависеть как от имени (e.g., *Ciceronis filius* ‘сын Цицерона’), так и от глагола (10), в то время как *Dativus possessivus* — только от глагола (11):

- (10) *Hic versus Plauti non est* (Cic. Fam. 9, 15)
 ‘Этот стих — не Плавтов’.
- (11) *In hac insula est fons aquae dulcis cui nomen Arethusa est* (Cic. Verr. 4, 118)
 ‘На этом острове есть источник пресной воды, имя которому Аретуза’.

¹¹ На самом деле, формальная и содержательная общность номинатива и генитива на диахроническом уровне находит подтверждение в общности форманта *-os, с помощью которого в праиндоевропейском языке образовывался как генитив, так и номинатив имен активного класса (Гамкрелидзе, Иванов: 270).

Зилер также указывает на общность флексии *-s для имен мужского/женского рода в N. Sg. и для G.Sg., отмечая, что флексия -i у имен с основой на -o — это отдельная проблема (Sihler 1995: 250).

Как видно из примеров (10) и (11), при явном сходстве функций, эти два падежа участвуют в решении различных прагматических задач: генетив (*Plauti*), входящий в состав сказуемого, выполняет функцию ремы, тогда как датив (*cui*) является темой.

Что касается датива и аккузатива, их объединяет, прежде всего, общая идея «направления» (ср. Казанский 1989: 118). Известно, что основная функция датива — выражение непрямого объекта при двух- (12) и трехвалентных глаголах, (13):

(12) *Venus nupsit Vulcano* (Cic. *Nat.D.* 3, 59)

‘Венера вышла замуж за Вулкана’.

(13) *Diva solo fixos oculos aversa tenebat* (Verg. *Aen.* 1, 651)

‘Но отвращала глаза, их в землю вперяя, богиня’

(пер. В. Брюсова).

Однако и аккузатив может указывать направление движения, как в беспредложном (*Accusativus directionis*), примеры (14–15), так и — чаще — в предложном употреблении (15):

(14) *Balbus recta a porta domum meam venit* (Cic. *Fam.* 9, 19)

‘Бальб прямо от ворот пришел в мой дом’.

(15) *Hannibal in hiberna Capuam concessit* (Liv. 23, 18)

‘Ганнибал ушел на зимние квартиры в Капую’.

В последнем примере представлены как *Accusativus directionis* (*Capuam*), так и аккузатив с предлогом *in* (*in hiberna*).

Кроме того, оба падежа служат для выражения цели: *Dativus finalis* (16) и аккузатив с предлогом *ad* (17):

(16) *Pausanias venit Atticis auxilio* (Nep. 8, 3, 1)

‘Павсаний пришел на помощь жителям Аттики’.

(17) *E terrae cavernis ferrum elicimus rem ad colendos agros necessariam* (Cic. *Nat.D.* 2, 151)

‘Из недр земли мы извлекаем железо — вещь, необходимую для возделывания полей’.

Итак, мы можем заключить, что все формальные оппозиции и нейтрализации находят функционально-семантические корреляции, и можно достаточно уверенно утверждать, что падежный синкретизм не случаен, а структурно-парадигматический порядок падежей должен отображаться следующим образом:

НОМИНАТИВ	ГЕНИТИВ	
АККУЗАТИВ	ДАТИВ	АБЛАТИВ

Таким образом, мы ответили на оба главных вопроса, поставленных в статье: зачем нужен синкретизм и как должна выглядеть мотивированная самим языком падежная парадигма. Как уже отмечалось, при всех попытках построения парадигматических оппозиций (в частности, Якобсоном и Тронским, см. выше) наименее убедительными кажутся выделения общих семантических инвариантов для падежей, находящихся в оппозиционном единстве. Тем не менее, если подобные инварианты являются вспомогательным инструментом анализа, опирающегося на формальный (проверяемый) языковой материал, они становятся более мотивированными, хотя при этом принципиально специфичными для каждого конкретного языка, а не отражающими некую логическую матрицу. В латыни оппозиционное противопоставление номинатива и генитива, с одной стороны, аккузативу, дативу и аблативу — с другой, может быть описано семантической оппозицией объектных (Acc., D., Abl.) и неobjектных падежей (N., G.). Аккузатив при этом реализует прямую «объектность», «датив» — косвенную, а аблатив — «объектность» предложную или обстоятельственную, тогда как номинатив и генитив не маркированы признаком «объектность». Номинатив и аккузатив являются падежами главными — без них, в принципе, не может существовать минимальная предикация (при переходном глаголе — без номинатива и аккузатива; при непереходном глаголе — без номинатива). Без всех остальных падежей такая предикация возможна. Среди «неглавных» падежей можно выделить общий признак «падежи обладания» для генитива и датива, а для аблатива дифференциальным признаком будет «обстоятельность», то есть меньшая, чем у остальных, включенность в актантную структуру высказывания, большая «сирконстантность». Таким образом набор дифференциальных парадигматических признаков у падежей выглядит так:

Номинатив — главный, не объектный

Аккузатив — главный, объектный

Генитив — неглавный, неobjектный, обладания

Датив — неглавный, объектный, обладания

Аблатив — неглавный, объектный, обстоятельственный.

4. Парадигматическая система латинских падежей и «маргинальные» падежи

Принципиальная проблема существующих парадигматических падежных схем — их жесткая замкнутость и, по сути, не-

способность «реагировать» на любые динамические изменения, без которых язык не существует. «Восьмивершинный кубик» разрушается при любом увеличении или уменьшении числа падежных форм, размещенных на его вершинах. Предлагаемая нами система сравнительно легко адаптируется к наблюдаемым в латыни динамическим изменениям, связанным с «маргинальными» падежами вокативом и локативом (и даже с исторической судьбой совсем отсутствующего в латыни и слившегося с аблативом еще в праиталийском языке инструменталисом)¹².

4. 1. *Вокатив*

Вокатив — это особый падеж, который часто выводится за рамки падежной системы (как это делает Тронский в уже упомянутой работе). В статье, специально посвященной латинскому вокативу, Хелен Вэйрел (Vairel 1981) также выводит этот падеж из парадигмы и связывает его с категорией лица, а не падежа. Если следовать общепринятому определению, «падеж — это морфологическое выражение на зависимом слове типа его отношения к главному слову»¹³, то, как справедливо отмечается в ряде исследований (Blake 2001: 19; Аркадьев 2009: 61), вокатив не попадает под определение падежа, так как не находится в отношениях зависимости ни с одним из элементов синтагмы и, соответственно, не имеет синтаксической/семантической связи. Вероятно, это чувствовали и античные грамматики, поскольку формы вокатива долго не идентифицировались как падежные, и в парадигму падежей греческого языка вокатив был введен только Дионисием Фракийским (170–90 гг. до н. э.). Действительно, вокатив имеет не семантическую, а прагматическую или дейктическую связь с адресатом высказывания, и ближайшими к вокативу грамматическими элементами оказываются не другие падежи, а местоимения 2 лица. Но морфология языка не зависит от лингвистических дефиниций, и формы вокатива нейтрализуются (образуют синкретические формы) с номинативом во всех склонениях и числах, кроме 2 склонения слов мужского рода и нескольких имен греческого происхождения. Таким образом, мы должны констатировать как

¹² Наличие во множественном числе двух генитивов (формы типа *postri/nostrum*) относится только к падежной парадигме личных местоимений-локуторов, которая здесь, как уже упоминалась выше, не рассматривается, так как требует специального анализа.

¹³ Case is a system of marking dependent nouns for the type of relationship they bear to their heads (Blake 2001: 1).

противопоставленность вокатива всем другим падежам, так и его морфологическую связь с очевидным представителем падежной системы — номинативом. Подобная «двойственность» вокатива представлена и в типологическом обзоре М. Даниэля и Э. Спенсера, которые приходят к выводу, что «the fact that the vocative can form part of the case paradigm without realizing any recognized grammatical or other case-like relation means that it poses an interesting challenge to our conceptions of what a case is» (Daniel, Spencer 2008: 234). Поскольку мы уже постулировали обязательную «реакцию» парадигматики падежей на морфемный синкретизм, а он в случае с вокативом отчетливо наблюдается, мы должны интегрировать его в предложенную нами схему. Однако подобная интеграция вовсе не является «вызовом» предложенной нами методике. Наличие у вокатива синкретизма с номинативом требует отразить оппозиционные отношения между этими падежами, однако отчетливая противопоставленность вокатива всем другим падежам требует открыть для него «новое измерение» (см. схему 4)¹⁴:

Семантическим инвариантом для вокатива, таким образом, является его «несинтаксичность» или «дейктичность». По признаку «синтаксичности» он оказывается немаркированным (в отличие от всех остальных, «настоящих» падежей, соответ-

¹⁴ В принципе, количество измерений в парадигме не имеет априорной заданности — простые парадигмы вполне могут быть линейны, а сложные не обязаны ограничиваться даже тремя измерениями. Языковая система может быть не только сложнее и многомернее, чем плоскость листа, на котором мы ее описываем, но и чем доступное нам в физическом мире «трехмерное» пространство. В случае с латинскими падежами нам в определенной степени «повезло» — сложность системы не превышает «трехмерности» доступного нам пространства.

вующих классическому определению (Blake 2001: 1). Это отражено в направлении стрелки на схеме 4 и отчетливо подтверждается формальным стремлением вокатива к основе без флексий, даже по сравнению с номинативом. Подобная парадигматическая позиция вокатива (минимальная включенность в систему оппозиций падежной парадигмы) делает его менее «устойчивым» по сравнению с другими падежами и, соответственно, хорошим кандидатом на редукцию. Здесь же можно отметить, что, если исходить из парадигматически минимальной включенности в систему (только одна оппозиция), следующим кандидатом на подобную редукцию является аблатив, что хорошо подтверждается историей развития падежных систем.

4. 2. Локатив

Следует упомянуть, что в праиндоевропейском языке существовало еще два падежа (*Instrumentalis* и *Locativus*). В отличие от инструменталиса, который слился с аблативом еще в праиталийском (Hofmann, Szantyr 1972: 21–22), локатив имел свою, достаточно долгую, историю¹⁵. Несмотря на то, что локатив был выведен из парадигмы латинских падежей уже римскими грамматиками, поскольку основные локативные функции в классической латыни выполнял аблатив, рудиментарно этот падеж продолжал существовать и активно употреблялся в виде отдельных нарицательных имен (е. г., *domi, humi, ruri (rure), militiae*) и регулярных образований от названий городов и островов (е. г., *Romae, Corinthi, Delphis, Cypri*). Как видно из примеров, у имен 1 и 2 склонения он совпадал с генитивом, а в ед. числе 3 скл. и во множ. числе всех склонений — с аблативом, пример (18):

(18) *Ut Romae consules, sic Carthagine quotannis annui bini reges creabantur* (Nep. 21, 7, 4)

‘Как в Риме консулы, так в Карфагене ежегодно избирались на год два царя’.

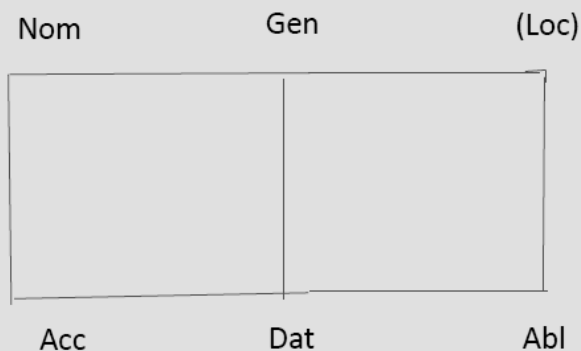
По Зилеру, слияние локатива с аблативом — загадочное явление, трудно объяснимое вследствие разнонаправленной семантики исконных функций аблатива и локатива: «Such case syncretisms are commonplace but the merging of the ablative and locative is puzzling: the notions ‘at, in, on’ are functionally remote from ‘away’» (Sihler 1995: 253).

¹⁵ Локатив должен был сохраниться в праиталийском, по крайней мере, он засвидетельствован в сабельском (Sihler 1995: 253).

Это слияние могло быть основано на сходстве флексий *Abl. Sg.* и *Loc. Sg. -e*, которые, однако, имели разное происхождение (Sihler 1995: 285). По мнению Зилера, скорее должно было произойти слияние локатива с дативом: флексии *D.Sg *-eu* и *Loc.Sg. *-i* являются разными степенями аблаута одной флексии, и семантика этих падежей обладает большим сходством (Sihler 1995: 253). Что касается сходства флексий генитива и локатива, оно является результатом исторического развития и последующего синкретизма двух разных флексий: в архаической латыни флексией *G. Sg.* была *-i*, *Loc. Sg.* — *-ei* (Sihler 1995: 260). Однако предлагаемый нами подход не только снимает «загадочность» с синкретизма аблатива и локатива, но и объясняет сходство (синкретизм) генитива и локатива.

В предлагаемой нами парадигматике латинских падежей предсказуемо не только место локатива (см. схему 5), но и легко объясняется его «маргинально-исчезающий» статус в латыни: геометрически предсказуемое парадигматическое расположение локатива между генитивом и аблативом подтверждается его падежным синкретизмом именно с этими падежами.

Схема 5. Парадигматические оппозиции латинских падежей (включая локатив)

Наиболее «слабый» — по сравнению с остальными падежами — статус локатива объясняется тем, что его синкретизм является полным. У локатива нет форм, которые не совпадали бы либо с генитивом, либо с аблативом, а у всех других падежей (включая вокатив) такие формы есть. Таким образом, локатив не имеет самостоятельных флексий, что обусловило его раннее «выдавливание» из парадигмы. В разных латинских грамматиках локатив может включаться в парадигму падежей, а может исключаться из нее, но предлагаемая нами схема конвертируется с любым вариантом, демонстрируя ее динамический потенциал. Выделенный ранее для аблатива признак «обстоятельности» хорошо коррелирует с парадигмати-

ческой позицией локатива, как и его «необъектный» характер. Если признать существование в латыни локатива, его парадигматический инвариант следует описать так: неглавный, необъектный, обстоятельственный.

Хотя инструменталиса в латыни нет, представленная система оппозиций позволяет реконструировать место в системе падежей и для него: он располагался бы на одной линии с аккумулятивом, дативом и аблативом (справа от последнего), с которым он и нейтрализовался еще на стадии праиталийского¹⁶. Подобная «готовность» к нейтрализации объясняется его минимальной включенностью в парадигматические оппозиции (только с аблативом), как и существенно более поздняя редукция аблатива (уже после нейтрализации инструменталиса и локатива), происходившая на поздних стадиях развития латинского языка (Calboli 1983: 47).

Заключение

На основании проведенного анализа, к формальным причинам падежного синкретизма, выделенным Зилером¹⁷, можно определенно добавить важную роль синкретизма (морфемных нейтрализаций) в организации и динамике парадигмы. В представленном исследовании делается попытка продемонстрировать важность и объяснительный потенциал идей парадигматической морфологии (Якобсон, Тронский, Поздняков), а также подчеркнуть объективность парадигматического анализа строгой опорой на внутриязыковые формальные характеристики. Это позволяет не только понять природу и функции синкретизма, но и описать синхронную парадигматическую структуру падежей классической латыни с учетом ее исторической динамики на основании строго формального анализа, что, по убеждению авторов, выводит «парадигматическую» лингвистику за рамки чисто логических импрессионистических схем.

¹⁶ Для соблюдения строгости предлагаемой нами методики подобная парадигматическая позиция инструменталиса должна была бы быть подкреплена наличием синкретизма между его флексиями и флексиями аблатива, при отсутствии других нейтрализаций, что подтверждается реконструкцией флексий праиндоевропейского инструменталиса (см. Varðdal, Kulikov 2008: 474).

¹⁷ 1) частичное пересечение сфер использования; 2) фонетические изменения, приводящие к утрате формальных различий; 3) нарастание употребления предложных конструкций, которые могли выразить все то, что когда-то выражалось падежными формами (Sihler 1995: 253).

Литература

- Arkadiev, P. M. 2009: [Cases in the world languages] In: E.V. Muravchenko, A. Ch. Piperski, O. Ju. Shemanajeva (eds.) *Lingvistika dl'a vseh. Letniye lingvisticheskiye shkoly 2007–2008. [Linguistics for everybody. Summer linguistic schools of 2007–2008]*, Moscow, 59–71.
- Аркадьев, П. М. 2009: Падежи в языках мира В сб.: Е. В. Муравенко, А. Ч. Пиперски, О. Ю. Шеманаева (ред.), *Лингвистика для всех: Летние лингвистические школы 2007–2008*. М., 59–71.
- Antichnyye teorii yazyka i stil'a [Ancient theories of the language and style]*. 1996: St. Peterburg: "Aleteja".
- Античные теории языка и стиля*. 1996: СПб.: «Алетейя».
- Baerman, M. 2008: Case Syncretism. In: A. L. Malchukov, A. Spencer (eds.) *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: OUP, 219–230.
- Barðdal, J, Kulikov, L. 2008: Case in Decline. In: A. L. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 470–478.
- Blake, B. J. 2001: *Case*. Cambridge: Cambridge University Press. 2nd ed.
- Calboli, G. 1983: The development of Latin (Cases and Infinitive). In: H. Pinkster (ed.) *Latin linguistics and linguistic theory*. Amsterdam: John Benjamins, 41–58.
- Carvalho, P. de 1983: Le système des cas latins. In: H. Pinkster (ed.). *Latin linguistics and linguistic theory*. Amsterdam: John Benjamins, 59–71.
- Daniel, M., Spencer, A. 2008: The Vocative — An Outlier Case. In: A. L. Malchukov, A. Spencer (eds.) *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 626–634.
- Gamkrelidze, T.V., Ivanov, Vyach. Vs. 1984: *Indoevropskiy yazyk i indoevropytsy. [Indo-European language and people]*. Vol. 1. Tbilisi, Tbilisi University Press.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. 1984: *Индоевропейский язык и индоевропейцы*. Т. 1. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та.
- Hofmann J. B., Szantyr A. 1972: *Lateinische Syntax und Stilistik*. Teil 2. Bd. 2. München, C. H. Beck Verlag.
- Ivanov, V'ach. Vs. 1985: [The linguistic path of Roman Jakobson]. In: *Roman Jakobson. Izbrannyye raboty [Roman Jakobson. Selected works.]*. Moscow, 5–29.
- Иванов, Вяч. Вс. Лингвистический путь Романа Якобсона. В сб.: *Якобсон Р. О. Избранные работы*. М., 5–29.
- Jakobson, R. O. 1985a: [To the general case study]. In: *Roman Jakobson. Izbrannyye raboty [Roman Jakobson. Selected works.]*. Moskva, 176–197.
- Якобсон, Р. О. 1985а: К общему учению о падеже. В сб.: *Якобсон Р. О. Избранные работы*. М., 133–175.
- Jakobson, R. O. 1985b: [Morphological observations on Slavic declension]. In: *Roman Jakobson. Izbrannyye raboty [Roman Jakobson. Selected works.]*. Moscow, 176–197.
- Якобсон Р. О. 1985b: Морфологические наблюдения над славянским склонением. В сб.: *Якобсон Р. О. Избранные работы*. М., 176–197.

- Kazansky N. N. 1989: [On the reconstruction of the PIE category of case]. In: A. V. Desnitskaia (ed.) *Current issues of comparative linguistics*. Leningrad: Nauka, 115–130.
- Казанский, Н. Н. 1989: К реконструкции категории падежа в праиндоевропейском. В сб.: А. В. Десницкая (ред.). *Актуальные вопросы сравнительного языкознания*. Л.: Наука, 115–130.
- Kennedy W. H. 1972: *The Shorter Latin Primer*. Revised by J. Mountford. 7th ed. London: Longman.
- Pertsov, N.V. 2001: *Invarianty v russkom slovoizmeneniji*. [Invariants in Russian inflection]. Moskva: Jazyki russkoj kul'tury.
- Перцов Н. В. 2001: *Инварианты в русском словоизменении*. М.: Языки русской культуры.
- Pinkster, H. 2015: *Oxford Latin Syntax*. Oxford: Oxford University Press.
- Pozdniakov K.I. 2003: [Micro-morphology or morphology of paradigm?], *Jazyk i rechevaya deyatel'nost'* [Language and speech] 5, 22–58.
- Поздняков, К. И. 2003: Микроморфология или морфология парадигмы? *Язык и речевая деятельность* 5, 22–58.
- Pozdniakov, K. I 2009: [About nature and functions of non-morphemic signs]. *Voprosy Jazykoznanija* [Questions of linguistics], 6, 35–64.
- Поздняков, К. И. 2009: О природе и функциях неморфемных знаков. *Вопросы языкознания*, 6, 35–64.
- Royal, W. A. 1860: *Treatise on Latin Cases and Analysis*. New York: Sheldon and Company; Wake Forest, North Carolina: J. S. Purifoy.
- Serbat, G. 1981a: *Cas et fonctions*. Paris: Presses Universitaires de France.
- Serbat, G. 1981b: Le système des cas est-il systématique? *Revue des Etudes Latines* 59, 298–317.
- Sihler, A. L. 1995: *New Comparative Grammar of Greek and Latin*. New York, Oxford. Oxford University Press, 1995.
- Schooneveld, C. H. van. 1986. Jakobson's case system and syntax. In: R. D. Brecht & J. S. Levine (eds.) *Case in Slavic*. Columbus, OH: Slavica Publishers, 373–85.
- Tronsky, I. M. 2001: *Istoricheskaya grammatika latinskogo yazyka*. [Historical Latin grammar]. Moscow: Indrik.
- Тронский, И. М. 2001: *Историческая грамматика латинского языка*. М.: Индрик.
- Vairel, H. 1981: The Position of the Vocative in the Latin Case System. *The American Journal of Philology* 102 (4), 438–447.
- Wheelock's Latin*. s. a. Revised by R. A. LaFleur. 6th ed. Harper Resource.
- Woodcock, E. C. 1959: *A New Latin Syntax*. Bristol Classical Press.
- Zheltova, E. V., Zheltov, A. Ju. 2017: The category of personality in Latin: contexts of oppositions and neutralizations as means for additional semantic features of personality. *Indoeuropean Linguistics and Classical Philology* 217, 266–280.
- Желтова, Е. В., Желтов, А. Ю. 2017: Выражение категории персональности в латыни: контексты оппозиции и нейтрализации, как средства создания дополнительных семантических признаков персональности. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 21, 266–280.